

Роберт Луис Стивенсон

Путешествие внутрь страны

Перевод с английского
Нины Дарузес

ФТМ

Роберт Льюис Стивенсон
Путешествие внутрь страны

«ФТМ»

1878

Стивенсон Р.

Путешествие внутрь страны / Р. Стивенсон — «ФТМ», 1878

ISBN 978-5-4467-2817-6

«Бом не слишком приятное место и замечателен только одним: почти все его обитатели в глубине души убеждены, будто умеют говорить по-английски, что, впрочем, фактами не подтверждается,» – так начинается книга путевых заметок шотландского писателя и поэта Роберта Луиса Стивенсона (1850–1894) из его путешествия по рекам Бельгии. Тонкий английский юмор, внимание к малейшим нюансам и тонкостям культуры и традиций – от бытовых до общественных – жителей бельгийских городов, ставят роман «Путешествие внутрь страны» в переводе Нины Дарузес в один ряд с такими шедеврами приключенческой литературы писателя, как «Остров сокровищ» или «Приключения принца Флоризеля».

ISBN 978-5-4467-2817-6

© Стивенсон Р., 1878

© ФТМ, 1878

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Из Антверпена в Бом	7
По каналу Виллебрук	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Роберт Стивенсон

Путешествие внутрь страны

Предисловие к первому изданию

Снабжая столь небольшую книгу предисловием, я, быть может, грешу против законов гармонии. Однако автору трудно устоять перед соблазном написать предисловие, ибо это его награда за труд. Когда закладывается первый камень, является архитектор со своими чертежами и добрый час расхаживает всем напоказ. А писателю для этого служит предисловие – ему, возможно, нечего сказать, но как не показаться хоть на мгновение на крыльце со шляпой в руке и с видом, исполненным небрежного достоинства!

При подобных обстоятельствах в манере держаться должен сквозить тонкий нюанс между смирением и надменностью: словно книгу написал кто-то другой, а вы лишь бегло ее просмотрели и вставили все лучшие места. Сам я еще не научился этому фокусу и пока не умею маскировать теплых чувств, которые питаю к читателю, – и уж если встречаю его на пороге, так для того, чтобы пригласить в дом с деревенским радушием.

По правде говоря, едва я прочел гранки этой книжечки, как меня охватило гнетущее предчувствие. Мне пришло в голову, что я могу остаться не только первым читателем этих страниц, но и последним, что, быть может, я напрасно проложил путь в этот весьма приятный уголок – никто не последует за мной сюда. Чем больше я об этом думал, тем меньше нравилась мне эта мысль, так что досада, наконец, сменилась паническим ужасом, и я торопливо набросал предисловие, которое должно только послужить приманкой для читателей.

Что я могу сказать в пользу своей книги? Кaleb и Иисус Навин принесли из Палестины внушительную виноградную гроздь – увы, в моей книге нет ничего столь питательного, да и к тому же мы живем в эпоху, предпочитающую философские определения любому количеству плодов земных.

Не покажутся ли заманчивыми ее негативные достоинства? Лыщу себя мыслью, что с негативной точки зрения эта книга заслуживает хвалы. Хотя в ней насчитывается более ста страниц, она не содержит ни единого упоминания о нелепости вселенной, созданной господом, и даже ни тени намека на то, что я мог бы создать вселенную куда лучше. Право, не знаю, где была моя голова? Я, кажется, упустил из вида все, дающее повод гордиться тем, что ты человек. Это упущение лишает книгу какого бы то ни было философского значения, но я лелею надежду, что подобная эксцентричность может прийтись по вкусу более легкомысленным кругам.

Другу, который сопровождал меня в этой поездке, я и так уже многим обязан – и если бы только благодарностью! – но сейчас я питаю к нему величайшую нежность. Ибо он, во всяком случае, будет моим читателем – хотя бы для того, чтобы вместе с моим путешествием повторить и свое.

Р. Л. С.

ПОСВЯЩАЕТСЯ сэру Уолтеру Гриндли Симпсону, баронету.

Дорогой Папироска, достаточно было и того, что вы так безропотно принимали на свои плечи честную долю дождей и байдарок во время нашего путешествия, и того, что вам пришлось так отчаянно грести в погоне за беглянкой «Аретузой», увлекаемой стремительной Узой, и, наконец, того, что затем вы доставили мои жалкие останки в Ориньи-Сент-Бенуат, где их ждал желанный ужин. А то, что я, как вы однажды с грустью пожаловались, вложил все крепкие выражения в ваши уста, а высокие размышления приберег для себя, было, пожалуй, даже и лишним. Простая порядочность не позволила мне обречь вас на позор еще одного и куда

более публичного кораблекрушения. Но теперь, когда наше с вами путешествие намереваются издать большим тиражом, можно надеяться, что вышеупомянутая опасность уже миновала, и я смело ставлю ваше имя на вымпеле.

Однако я должен безотлагательно оплакать судьбу наших двух кораблей. То был злополучный день, сэра, когда мы задумали стать владельцами баржи и отправиться на ней в плавание по каналам; и в столь же злополучный день мы открыли нашу мечту слишком оптимистичному мечтателю. Некоторое время весь мир, казалось, улыбался нам. Баржа была куплена и окрещена и уже в качестве «Одиннадцати тысяч кельнских дев» несколько месяцев простояла – объект восторгов всех восторженных душ – на приятной реке под стенами старинного города. Мсье Маттра, искусный плотник из Море, трудился над ней, извлекая из этого порядочный доходец, и вы, верно, помните, сколько сладкого шампанского было поглощено в гостинице у моста, чтобы усугубить рвение рабочих и ускорить работу. На финансовом аспекте этого предприятия я предпочту не останавливаться. Баржа «Одиннадцать тысяч кельнских дев» тихонько гнила на лоне потока, где прежде обрела свою красоту. Ветер так и не наполнил ее парус, и к ней так и не был припряжен терпеливый битюг. И когда наконец негодующий плотник из Море продал ее, вместе с ней были проданы «Аретуза» и «Папироска» – одна из кедра, другая из доброго английского дуба, как хорошо известно нам, кому не раз приходилось переносить ее через шлюзы. Теперь над этими историческими судами развевается трехцветный флаг Франции, и они носят новые, чужестранные названия.

Р. Л. С.

Из Антверпена в Бом

В антверпенском порту мы произвели сенсацию. Толпа портовых грузчиков во главе со стивидором¹ подхватила две наши байдарки и бросилась с ними к слипу. Следом, радостно вопя, бежала ватага мальчишек. «Папироска» со всплеском вошла в воду, подняв крохотную волну. Через мгновение за ней последовала «Аретуза». Вниз по течению бежал пароход, и матросы с козуха его колеса выкрикивали хриплые предостережения, а стивидор и его грузчики кричали на нас с пристани. Но два-три взмаха весла вынесли байдарки на середину Шельды, и все пароходы, все стивидоры и прочая береговая суэта остались далеко позади.

Солнце сияло, шел прилив – добрых четыре мили в час, – дул ровный ветер, но иногда налетали шквалы. Я прежде никогда не ходил на байдарке под парусом и предпринял свой первый опыт на середине этой большой реки не без некоторого трепета. Что произойдет, когда ветер наполнит мой маленький парус? Наверное, такое чувство испытываешь, проникая в пределы неведомого, выпуская в свет первую книгу, вступая в брак. Но мои тревоги длились недолго, и вы не удивитесь, узнав, что пять минут спустя я уже закрепил парус.

Признаюсь, меня самого это обстоятельство несколько поразило; разумеется, плавая в обществе мне подобных на яхте, я всегда закреплял парус, но в такой капризной скорлупке, как байдарка, да еще при шквалистом ветре я никак не ждал от себя подобной прыти и с некоторым презрением подумал о том, что мы слишком трясемся над своей жизнью. Бесспорно, курить много удобнее, когда парус закреплен, но ни разу прежде мне не приходилось выбирать между уютной трубочкой и несомненным риском – и я торжественно выбрал трубку. То, что мы не можем ручаться за себя, пока не подвергнемся испытанию, – истина избитая. Но далеко не так банальна и куда более приятна мысль, что обычно мы оказываемся намного храбрее и лучше, чем ожидали. Мне кажется, каждый человек имел возможность в этом убедиться, но, опасаясь, как бы не сплеховать в будущем, человечество предпочитает не разглашать этих ободряющих наблюдений. От скольких тревог был бы я избавлен, если бы в дни моей юности – как жаль, что этого не произошло! – кто-нибудь объяснил мне, что жизни бояться нечего, что опасности страшней всего на расстоянии, что лучшие качества человеческой души не поддаются окончательному погребению и почти никогда – а вернее, просто никогда – не изменяют нам в час нужды. Однако в литературе мы все предпочитаем играть на сентиментальной флейте, и никто из нас не хочет встать во главе марширующей колонны, чтобы ударить в барабан.

Река была очень симпатичной. Мимо проплывали редкие баржи, груженные сеном. Берега заросли камышом и ивами; коровы и серые почтенные лошади подходили к парапету и наклоняли к воде кроткие морды. Порой появлялись окруженные деревьями красивые селения с шумными верфями или виллы на зеленых лужайках. Ветер лихо гнал нас вверх по Шельде, а потом и по Рюпелу, и мы неслись довольно быстро, когда на правом берегу показались кирпичные заводы Бомы. Левый берег по-прежнему оставался зеленым и сельским, был осеен деревьями, а на лестничках, ведущих к парому, сидели то женщина, подпирая щеку рукой, то старец с посохом и в серебряных очках. Однако Бом и его кирпичные заводы с каждой минутой становились все более безрадостными и дымными, и наконец большая церковь с часами и деревянный мост через реку показали, что мы находимся в центре города.

Бом не слишком приятное место и замечателен только одним: почти все его обитатели в глубине души убеждены, будто умеют говорить по-английски, что, впрочем, фактами не подтверждается. Поэтому все наши переговоры с ними происходили как бы в тумане. Ну, а хуже «Отеля Навигации», на мой взгляд, во всем Боме нет ничего. В нем имеется зал, где пол усыпан песком, – окна этого зала выходят на улицу, а в глубине располагается буфетная стойка;

¹ Стивидор – лицо, заведующее погрузкой и выгрузкой судов в порту.

и еще один зал с песком на полу, более темный и холодный, украшенный лишь пустой птичьей клеткой да трехцветной кружкой для пожертвований – там мы обедали в обществе трех молчаливых юношей, подручных с завода, и безмолвного коммивояжера. Кушанья, как обычно в Бельгии, носили случайный и неопределенный характер; по правде говоря, мне ни разу не удалось обнаружить, чтобы эти милые люди завтракали, обедали или ужинали: они весь день напролет что-то отведывают и поклевывают в любительском стиле – как бы французском, безусловно немецком и каким-то образом отличным и от того и от другого.

От пустой птичьей клетки, подметенной и начищенной, но не хранившей никаких следов пернатой певуньи, если не считать отогнутых провололочек, куда прежде вставляли кусочек сахара, веяло кладбищенским весельем. Молодые люди не желали разговаривать с нами, как, впрочем, и с коммивояжером, они то изредка перебрасывались вполголоса двумя-тремя словами, то устремляли на нас очки, мерцавшие в свете газового рожка. Ибо все трое были хоть и красивые ребята, но очкастые.

В гостинице имелась английская горничная, которая покинула Англию так давно, что успела набраться своеобразных иностранных выражений и иностранных привычек, о которых тут говорить незачем. Она очень бегло беседовала с нами на своем нелепом жаргоне, расспрашивала нас о нынешних английских обычаях и любезно нас поправляла, когда мы пытались отвечать. Однако, поскольку мы имели дело с женщиной, может быть, мы все-таки не бросали слова на ветер. Слабый пол любит набираться знаний, сохраняя при этом тон превосходства. Неплохая политика, а при данных обстоятельствах и необходимая. Если мужчина заметит, что женщина восхищается, хотя бы даже его познаниями в географии, он немедленно начнет злоупотреблять этим восхищением. Только постоянно одергивая нас, могут прелестные создания удерживать нас на подобающем месте. Мужчины, как сказала бы мисс Хоу или мисс Гарлоу, «такие посягатели». Сам я телом и душой на стороне женщин; и если не считать счастливой супружеской пары, в мире нет ничего прекраснее мифа о божественной охотнице. Вот мужчина не способен удалиться в леса. Нам ли его не знать! В давние времена святой Антоний попробовал сделать это, и, по всем сведениям, ему пришлось очень солоно. Но в женщинах порой бывает нечто, дающее им превосходство даже над лучшими гимнасофистами среди мужчин, – им достаточно самих себя, и они шествуют по горным ледяным зонам без помощи созданий в брюках. Должен признаться, вопреки общепринятым эстетическим взглядам, что я куда больше благодарен женщинам за этот идеал, чем был бы благодарен большинству из них – а вернее, всем, кроме одной, – за неожиданный поцелуй. Женщина, во всем полагающаяся только на себя, – какое это освежающее зрелище! И когда я думаю о стройных, прелестных девушках, всю ночь бегущих по лесам, когда звенит рог Дианы, мелькающих между дубами, столь же вольными, как и они, когда я думаю об этих дочерях лесной чащи и звездного света, не оскверненных соприкосновением с горячим и мутным потоком жизни, которой живут мужчины, я чувствую, что мое сердце начинает биться при мысли об этом идеале, хотя найдется немало других, влекущих меня гораздо больше. Это крах жизни, но какой прекрасный крах! То не потеряно, о чем не жалеют. А во что – это во мне говорит мужчина, – во что обратилась бы несравненная радость завоевания любви, если бы прежде не надо было преодолевать презрения?

По каналу Виллебрук

На следующее утро, когда мы поплыли по каналу Виллебрук, вдруг полил холодный дождь. Вода в канале была теплой, как налитый в чашку чай, и от этого внезапного ледяного вторжения ее поверхность закурилась паром. Мы только что пустились в путь, байдарки весело слушались каждого удара весла, и радостное возбуждение помогало нам переносить эту беду, а когда туча пронеслась и снова выглянуло солнце, мы воспрянули духом и забыли унылый рефрен: «Лучше бы нам остаться дома». Деревья по берегам канала шелестели и клонили ветки под натиском довольно сильного ветра. Листва вскипала в буйной игре света и теней. И на глаз и на слух погода казалась идеальной для плавания под парусами, однако берега были высокие, и лишь отдельные слабые порывы ветра достигали воды. Он почти не надувал паруса. Мы продвигались вперед рывками и раздражающе медленно. Шутник с морским прошлым окликнул нас с бечевника:

– C'est vite, mais c'est long².

На канале царило значительное оживление. Мы то и дело встречали или обгоняли вереницы барж с зелеными румпелями: высокая корма с окошечками по обе стороны руля, может быть, с кувшином или цветочным горшком в таком окошке, привязанный сзади ялик, женщина, стряпающая обед, и куча ребятишек. Баржи шли караванами по двадцать пять-тридцать штук, а возглавлял процессию и тащил их за собой парходик весьма странной конструкции. На нем не было ни колес, ни винта – с помощью какого-то приспособления, непонятного профанам в механике, он втаскивал на нос блестящую цепь, протянутую по дну канала, и, опуская ее с кормы, продвигался вперед звено за звеном вместе со всей свитой нагруженных плоскодонных барж. До того, как мы разгадали эту загадку, что-то зловещее чудилось в караване, неторопливо плывущем по каналу, когда лишь рябь у бортов и позади последней баржи показывала, что он продвигается вперед.

Из всех порождений коммерческой предприимчивости речная баржа представляется наиболее восхитительным. Она может поставить паруса – и вы видите, как она плывет высоко над верхушками деревьев и мельниц, плывет по акведуку, плывет через зеленеющие хлеба – самая живописная из всех амфибий. Или лошадь бредет шагком, словно в мире не существует деловой спешки, и человек, дремлющий у руля, весь день видит на горизонте одну и ту же колокольню. Непонятно, каким образом при подобной скорости грузы все-таки попадают на место назначения, а баржи, ожидающие своей очереди у шлюза, преподают нам прекрасный урок безмятежности, с какой следует относиться к миру и его суеде. Наверное, на борту там найдется много умиротворенных душ, ибо при такой жизни и путешествуешь и остаешься дома – все вместе.

Над трубой поднимается дым – значит, скоро будет готов обед, – а вы все плывете, и берега канала неторопливо разворачивают свои пейзажи перед созерцательным взором; баржа минует большие леса и большие города с множеством общественных зданий и горящих в ночи фонарей; обитатель баржи в своем плавучем доме, «путешествуя в постели», славно слушает чью-то историю или равнодушно перелистывает иллюстрированную книгу. Он может погулять по чужой стране вдоль берега канала, а потом отправиться домой и пообедать у своего очага.

Этот образ жизни слишком малоподвижен, чтобы быть чересчур здоровым, однако избыток здоровья необходим только для нездоровых людей. Улитка в человеческом облике не болеет и н» чувствует себя здоровой, живет тихонько и умирает легко.

Сам я предпочту судьбу барочника любому самому почетному положению, если оно требует регулярного посещения конторы. Пожалуй, немного найдется других таких профессий,

² Это быстро, но долго (франц.).

когда человек столь мало поступает своей свободой ради возможности есть каждый день. Барочник на борту своего судна – капитан корабля, он может приставать к суше, где пожелает, его нельзя заставить уходить от подветренного берега всю морозную ночь напролет, когда паруса тверже железа; и, насколько я могу судить, время для него настолько неподвижно, насколько это совместимо с наступлением часа обеда или часа отхода ко сну. Трудно понять, почему барочник все-таки должен когда-нибудь умереть.

На полпути между Виллебруком и Вилворде, в очаровательном месте, где канал похож на аллею старого парка, мы пристали к берегу перекусить. На борту «Аретузы» имелось два яйца, краюха хлеба и бутылка вина, а на борту «Папироски» – два яйца и «Этна», спиртовой аппарат для приготовления пищи. Шкипер «Папироски» в процессе высадки разбил одно из яиц, но, бодро сообщив, что его все же можно сварить *a la papier*³, бросил пострадавшее яйцо в «Этну» в оболочке из фламандской газеты. Когда мы высаживались, погода стояла прекрасная, но не провели мы на берегу и двух минут, как ветер начал заметно крепчать, а по нашим плечам застучали капли дождя. Мы пристроились как можно ближе к «Этне». Спирт пылал чрезвычайно эффектно – трава вокруг то и дело загоралась, и ее приходилось гасить, и вскоре было обожжено несколько пальцев. Однако общее количество приготовленной пищи явно не соответствовало всей этой помпе; когда, дважды приведя аппарат в действие, мы наконец прекратили стряпню, оказалось, что целое яйцо чуть-чуть согрелось, а *a la papier* представляло собой холодное и мерзкое фрикасе из типографской краски и яичной скорлупы. Тогда остальные два яйца мы решили испечь, положив их возле горящего спирта, – эта операция увенчалась успехом. Затем мы откупорили бутылку и расположились в канавке, закрыв колени фартуками, снятыми с байдарок. Дождь зарядил вовсю. Честные неудобства, когда они не предпринимают тошнотворных попыток выдать себя за комфорт, становятся источником всяческого веселья, и люди, промокшие и ооченевшие на свежем воздухе, очень склонны смеяться. С этой точки зрения даже яйцо *a la papier*, предложенное в качестве еды, может сойти за бесхитростную шутку. Однако шутки такого рода, хотя в первый раз их и принимают хорошо, при повторении сильно проигрывают, вот почему дальше «Этна» путешествовала, как аристократка, в рундучке «Папироски».

Едва мы, поев, продолжили путь и подняли парус, как ветер, само собой разумеется, тотчас стих. Но до Вилворде мы продолжали подставлять паруса обленившейся стихии; и так, то подгоняемые случайным порывом ветра, то работая веслами, тихо плыли от шлюза к шлюзу между двумя рядами аккуратных деревьев.

Это был прекрасный, зеленый, сочный ландшафт, а вернее, одна зеленая водная аллея, которая тянулась от деревни к деревне. Все вокруг имело упорядоченный вид, свойственный давно обжитым местам. Когда мы проплывали под мостами, остриженные в кружок дети, перегнувшись через перила, плевали в нас с истинной консервативностью. Но еще более консервативны были рыболовы, которые не сводили глаз со своих поплавков и не удостаивали нас ни единым взглядом. Они сидели, примостившись на устоях, быках и просто на берегу, тихо поглощенные своим занятием. Они были безразличны ко всему, как образчики неживой природы. Они не шевелились, словно удили на старинной голландской гравюре. Листья трепетали, по воде бежали маленькие волны, но рыболовы оставались неподвижны, как государственная церковь. Можно было бы трепанировать все их простодушные головы и не найти под черепной крышкой ничего, кроме свернутой рыболовной лески. Мне несимпатичны дюжие молодцы в резиновых сапогах, по грудь в воде штурмующие горные потоки в надежде поймать лосося, но я нежно люблю этот класс людей, предающихся своей бесплодной страсти всю вечность и еще один день над тихими и уже малонаселенными водами.

³ В бумаге (франц.).

У последнего шлюза сразу за Вилворде смотрительница говорила по-французски достаточно внятно и сообщила нам, что до Брюсселя еще добрых две лиги. И там же вновь полил дождь. Он чертил в воздухе прямые параллельные линии, и поверхность канала раздробилась на мириады крохотных хрустальных фонтанчиков. Найти ночлег по соседству было нельзя, и нам оставалось только убрать паруса и усердно грести под дождем.

Прекрасные виллы с часами и длинными линиями закрытых ставнями окон, рощи и аллеи великолепных старых деревьев под дождем и в сгущающихся сумерках придавали берегам канала угрюмое величие. Я видел нечто подобное на гравюрах: пышные пейзажи, пустынные и помрачневшие с приближением бури. И до самого конца нас сопровождала тележка с поднятым верхом, которая уныло тряслась по бечевнику, держась у нас за кормой на неизменном расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.